

великолепную Александреиду, когда его современники излагали рифмованными стихами апокрифические сюжеты, когда они делали первые шаги в лирическом роде, они были уже профессиональными поэтами.

Здесь стих не следовал за напевом, мелодии не было вообще, а та нормативность, те особенности мышления и видения средневекового художника, которые были равно присущи и прозе, не могут служить основанием для отнесения подобных памятников к «непоэтическим».⁴⁵ Средневековые поэты не только писали стихами, они учились писать, например, по руководствам Жофруа де Винсо и Эберхарда.

Вряд ли будет правильным квалифицировать природу памятников типа Сказания Авраамия Палицына как «эмбриональный стих». То «брожение» стихом, о котором говорит Л. И. Тимофеев, прослеживается, по его же данным, на протяжении нескольких веков: в «Очерках теории и истории русского стиха» приводятся данные о рифмованных сочетаниях в деловой письменности не только рубежа XVI—XVII вв., но и более раннего (начиная с конца XIV в.) и более позднего времени. Правда, Л. И. Тимофеев говорит о «нарастании» качественных и количественных изменений стилистики деловых грамот», в частности и рифмующихся фраз. Для столь ответственного заявления тот материал, на котором построен соответствующий параграф «Очерков», явно недостаточен. Однако не в этом главное.

Как известно, еще в «Молении Даниила Заточника» заметно стремление к рифмовке: «Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое». Много рифм находим в «Слове о хмеле» в списке 1470-х годов: «...долго лежати — добра не добыти, а горя не избыти, лежа не мощно бога умолити, чти и славы не получитьи, а сладка куса не снести, медовыя чаши не пити, а у князя в нелюбви быти». Относительно истоков этой рифмованной речи сомнений быть не может: она идет от скоморохов.⁴⁶

С другой стороны, рифмованная проза часто встречается на протяжении всего XVII в. — тогда, когда «правильное», «упорядоченное» силлабическое стихотворство переживало пору своего расцвета. Это, например, характерно для сатирической прозы. В «Сказании о роскошном житии и веселии», в его несомненно прозаическом массиве встречаются ритмизованные и рифмованные пассажи: «И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубов и садов и рощей избранных, езерь сладководных, рек многорыбных, земель доброплодных ... А по домам коней стоялых — аргамаков, бахматов, иноходцев, — кур и овец и лисиц и кунц, буйволов и еленей, лосей и соболей, и бобров, зайцев и песцов, и иных, одевающих плоть человеческую во время ветров, бесчисленно много ... И ту всяк пришед пей да и на голову лей ... А жены там ни прядут ни ткнут, ни платья моют, ни кроют,

⁴⁵ С нашей точки зрения, разумеется, не всякий облаченный в стихотворную форму текст можно назвать поэтическим. В России это отметил еще Феофан Прокопович: «... история, подчиненная закону описывать подлинные события и то, как они совершились, лишена вольности измышлять правдоподобное. Поэтому, даже написанная стихами, она остается историей, а не поэзией» (Феофан Прокопович. Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 348). Однако для древнего периода русского стихотворства достаточно, как кажется, руководствоваться правилом: если автор и читатель воспринимали некий ритмически организованный текст как нечто качественно отличное от текста ритмически «нейтрального», то этого достаточно для занесения первого в стихотворную рубрику.

⁴⁶ См.: Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления Даниила Заточника». — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 114—115; П. Н. Берков. Русская народная драма XVII—XVIII веков. М., 1951, стр. 31.